

Он вертел в руках окровавленный кнут из бычьих жил, словно невзначай хлестнул им по полу. После свиста ветра Цзеюй Лю взглянула на пол: мраморная плита раскололась надвое. Ей почти дурно стало.

Возле её уха раздался голос, словно у демона:

— Продолжай.

Цзеюй Лю боялась даже плакать. Тело её дрожало, сил говорить почти не оставалось, голос звучал слабо и невнятно:

— Драгоценная наложница Юй сказала, что это лекарство увеличит твою силу в разы, сделает телосложение мощнее, но единственный побочный эффект — ты станешь всё более вспыльчивым и агрессивным. Сначала ты, возможно, будешь только ругаться и бить людей, но со временем эта ярость станет неконтролируемой, и только... вид... крови сможет временно успокоить тебя.

Цзин Ни слушал, и чем больше он слышал, тем мрачнее становилось его лицо.

О последствиях приема этого лекарства он уже давно испытал у схваченного слуги. Задавать вопрос Цзеюй Лю он стал лишь потому, что в глубине души надеялся: его родная мать не знала, в какую бездну затащит его это лекарство, когда соглашалась на уговоры Драгоценной наложницы Юй.

Но теперь... Цзин Ни усмехнулся и холодно оборвал её слёзные мольбы:

— Хватит!

Однако Цзеюй Лю, словно не слыша, продолжала рыдать на коленях:

— Сын мой, у матушки не было выхода! Взгляни, ты же жив и здоров! Прости меня, пожалуйста.

Даже глубокой ночью на её лице был толстый слой пудры. Смешавшись со слезами, она превратилась в черно-красную маску.

Видя обычно изысканную мать в столь жалком виде, Цзин Ни не испытал ни радости мести, ни печали. Он чувствовал лишь раздражение, ярость!

Хотелось разрушать всё подряд.

Глаза его покраснели, в теле проснулось знакомое влечение. Цзин Ни понимал, что с ним происходит. Он вцепился в подлокотники деревянного кресла, стараясь сдержаться из последних сил.

Увидев его состояние, Цзеюй Лю перепугалась еще сильнее. С криком она юркнула в толпу слуг и забилась позади них, не замечая, что любимое платье испачкала.

Цзин Ни глубоко вдохнул, голос его сорвался на хрип:

— Вон, все, убирайтесь отсюда!

Все в ужасе от его вида бросились к выходу. Один из слуг, торопясь, обронил что-то из рукава, но даже не заметил этого.

Двери дворца закрылись, и в Цихуагуне осталось лишь тяжелое дыхание Цзин Ни.

Он опустил голову, глаза налились кровью, на висках вздулись жилы. От того, что он слишком сильно сжимал подлокотники, кончики пальцев побелели.

Именно в этот момент к его ногам, звякнув о толстую подошву сапога, подкатился и остановился небольшой нефритовый флакон, обвитый золотой нитью.

В моменты приступов чувства Цзин Ни обострялись до предела, и такой тихий звук казался ему оглушительным, словно раздавался прямо у барабанной перепонки.

Кроваво-красные глаза устремились к источнику звука, и взору открылся маленький, хрупкий и изящный нефритовый флакон.

Это... Зрачки Цзин Ни сузились. Он узнал флакон, который Цзин Сы днём сунул тому слуге.

Вспомнились глаза — по форме, словно лепестки персика, в которых плескалась весенняя река. Они смотрели прямо на него, без привычного страха, лишь с легкой улыбкой, такой красивой, что казалось — глаза умеют говорить.

«Успокоительное, брат, хочешь попробовать?» — неожиданно мягкий голос проник в его затуманенное сознание.

— Цзин Сы, — сквозь стиснутые зубы вырвалось у него.

В глазах наконец прояснилось. С трудом он поднял флакон с пола.

Флакон был настолько крошечным, что полностью помещался в его ладони.

Он открыл его. Внутри оставалась всего одна молочно-белая таблетка. Цзин Ни высыпал её прямо в рот и с трудом проглотил.

Сжимая флакон в руке, он бессильно откинулся на спинку кресла. Краснота в глазах постепенно бледнела, белки возвращались к нормальному цвету.

*

Скоро густая ночная тьма рассеялась под лучами рассвета. Проснувшись, Цзин Сы обнаружил, что в плотно укутанной постели остался только он.

Цзин Вэй всегда был трудолюбив, только в дни десятидневного отдыха позволял себе полежать в постели. Поэтому, не увидев его рядом, Цзин Сы не удивился.

Он пошевелился, издав легкие звуки, и сквозь полог кровати донесся почтительный голос Бай Хэна:

— Ваше Высочество, вы проснулись?

— Угу, — Цзин Сы, обнимая одеяло, спросил. — Как давно ушел отец?

Бай Хэн быстро ответил:

— Его Величество отправился в Чертог Тайхэ в час зайца, прошло уже два часа.

В последнее время при дворе было беспокойно. В нескольких главных хлеботорговых провинциях случились наводнения и засухи. Будь бедствие в одном месте — ещё полбеда, но беда охватила слишком обширные земли, и уследить за всем сразу было трудно.

Цзин Вэй провел несколько бессонных ночей в личном кабинете, едва успев составить план и назначить чиновников для помощи пострадавшим. Вчера он лишь немного поспал в Восточном дворце, как его снова вызвали.

Цзин Сы вспомнил, что прошлой ночью под глазами Цзин Вэя залегли тени, а лицо казалось бледным. Сжимая в руках мягкую ткань одеяла, он беспокоился о здоровье отца:

— Позже ты лично отнеси завтрак в Чертог Тайхэ. Запомни: ты должен своими глазами видеть, как отец поест, и только потом возвращаться.

Бай Хэн ответил:

— Слушаюсь, — затем спросил. — Ваше Высочество, вы будете вставать?

Вчера, уютно устроившись в объятиях Цзин Вэя, Цзин Сы спал крепче обычного и проснулся позже. Раз он уже проснулся, оставаться в постели не было смысла:

— Вставать буду.

Бай Хэн протянула руку, приподняла полог и закрепила его на золотом крючке. Затем привычно помогла Цзин Сы одеться.

Когда Бай Хэн причесывала его, Цзин Сы увидел в медном зеркале её опущенные глаза. Черты лица её нельзя было назвать изысканными, и если не считать пудры, в них скорее чувствовалась мужская твердость.

Пальцы, возившиеся у него на затылке, были чуть толще, чем у сверстниц, но ловко расчесывали его черные волосы, нанося на них масло и делая гладкими, как шелк.

Обычно этим занималась Цин У, страшная болтушка. Она могла говорить без умолку, пока причесывала его, словно живая канарейка. Теперь же, когда её заменила молчаливая Бай Хэн, Цзин Сы, привыкший к шуму, чувствовал себя неудобно.

— Бай Хэн, сколько тебе лет? — Цзин Сы, вертя в руках искусно вырезанную нефритовую фигурку тигра, как бы невзначай завел разговор.

Бай Хэн слегка дрогнули веки. Она бросила взгляд на милую завитушку волос, скрытую под черной шелковицей, но не остановила работу, отвечая сдержанно:

— Ваше Высочество, вчера мне исполнилось тринадцать.

Большинство слуг во дворце поступали на службу до десяти лет, чтобы с малых лет ухаживать за принцами и принцессами одного с ними возраста. Только так можно было воспитать преданных сердцу слуг.

В Восточном дворце Цзин Сы был самым младшим, а Бай Хэн была всего на три года старше.

Услышав, что вчера был день рождения слуги, Цзин Сы удивился. Как раз в этот момент Бай Хэн закрепила его волосы лентой, и он слегка обернулся, глядя на почтительную служанку:

— Вчера был твой день рождения?

Бай Хэн не поняла, к чему клонит Цзин Сы. На обычно бесстрастном лице отразилось легкое замешательство. Она быстро взглянула на Цзин Сы, затем опустила глаза, ответив кратко:

— Да.

Цзин Сы имел физический недостаток и не мог свободно выходить из дворца. Больше всего времени с ним проводили Цзин Вэй и Цин У.

Каждый раз на день рождения Цин У Цзин Сы дарил ей какие-нибудь изящные безделушки. Видя её радость, он чувствовал, что жизнь, запертая в Восточном дворце, становится немного легче.

— Чего бы ты хотела в подарок на день рождения? — спросил он и тут же осознал, что перед ним не Цин У, а почти бесстрастная Бай Хэн.

Бай Хэн была рядом с ним уже давно, но её присутствие было настолько незаметным, что на фоне яркой, как солнце, Цин У она казалась звездой при дневном свете — едва различимой. Со временем Цзин Сы просто перестал её замечать.

И действительно, после слов Цзин Сы прошло много времени, а Бай Хэн всё так же не поднимала головы.

Цзин Сы уже думал, что она скажет «Ничего не нужно», как она подняла глаза.

В её слегка узких глазах еще читалось раздумье. Она указала на нефритовую фигурку тигра, которую Цзин Сы держал в руке, голос её звучал слегка сипло:

— Если Ваше Высочество не возражаете, подарите это мне.

Цзин Сы впервые услышал, чтобы Бай Хэн произнесла такую длинную фразу.

<http://bllate.org/book/16771/1563759>